Калягин А. А. 14.11.02

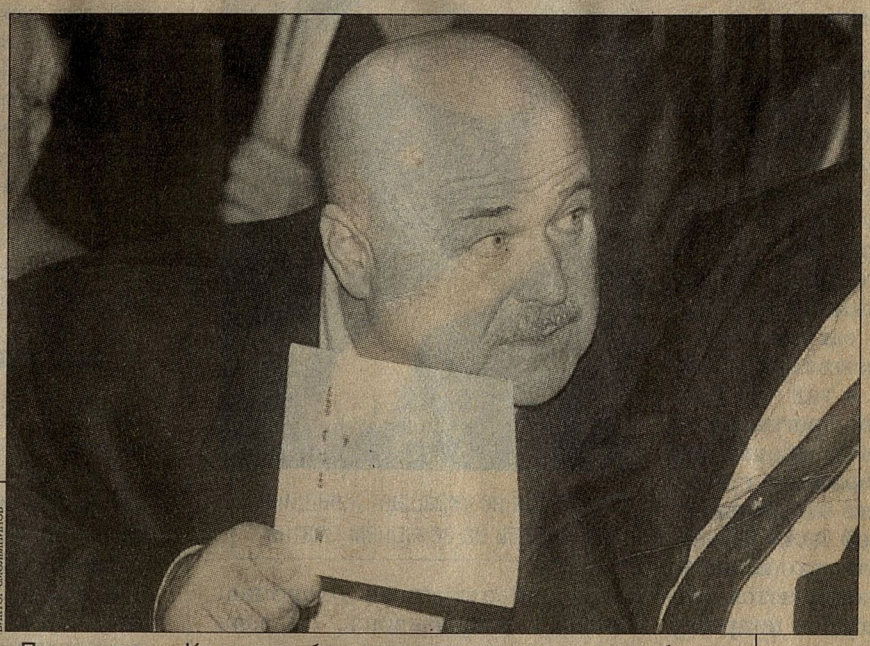
Россия. – 2002. – 14 нояб. – с. 9

Мрачная эксцентрика театра одного актера

Ольга Галахова

Театру Et Cetera исполнилось десять лет. За это время его создатель Александр Калягин сумел получить помещение на Новом Арбате, отстроить его, обжить настолько, чтобы убедиться – нужно другое.

Свои желания известный артист умеет воплощать в быль. Не ходя к гадалке, можно не сомневаться в том, что здание, к строительству которого уже приступили на Тургеневской площади, с подземной автостоянкой и театральными мастерскими будет выстроено в ближайшие три года. Именно к этому времени истекает второй срок избрания председателя Союза театральных деятелей России. Надо торопиться. В России должности всегда помогают личным интересам, а отсутствие оных существенно осложняет бытие.



ВИКТОР СМОЛЬНИКОВ

Председатель Калягин заботится о хороших условиях работы для артиста Калягина

Дорога в приличное общество

Надо признать, что поначалу возникновение загадочного театра в 1992 году исключительно из личного желания артиста не предвещало ничего хорошего. Возможно, так бы и случилось, не получи Калягин в руки пост председателя СТД. Последнее во многом помогло вывести театр на другой уровень. Статус первого театрального лица общественной организации помог в продвижении собственного театра. Щедрые гонорары режиссерам дали возможность звать лучших из лучших. Опять же критика стала внимательнее и лояльнее. Вдруг театр чаще стал выезжать на гастроли (при том, что большинство московских театров сидит на голодном пайке, если не имеет спонсорского покровительства для турне по российским городам), принимать участие в разного рода фестивалях, в том числе и зарубежных.

Так театр шаг за шагом выбился в приличное общество, хотя порой и тянуло назад, и здесь появлялись шокирующие по пошлости спектакли, такие как «Конкурс» или «Моя fairy леди».

Последняя лента

Сегодня в Et Cetera все главные эстетические победы связаны с именем и мастерством его создателя Александра Калягина. И хотя то и дело по определенным причинам награждают тех или иных актеров этого театра различными премиями, но все это, однако, не меняет существенно их положения, не добавляет им авторитета, не меняет их судьбы. Им уготована роль et cetera, кордебалета при солисте. В труппе пока не открыты актеры, пусть не равные, но близко стоящие к отцу-основателю. Зритель приходит сюда к Калягину и на Калягина, который по справедливости входит в десятку лучших актеров страны. Его Шейлок, король Убю переигрывают труппу, занятую в спектаклях. Режиссеры также видят свою задачу в том, чтобы «обслужить» звезду, прекрасно понимая, что имеют дело с крупным артистом и если уж тратиться с результатом, то на Калягина.

Премьера, приуроченная к юбилейной дате театра, по пьесе Беккета «Последняя запись Крэппа», поставленная Робертом Стуруа, – еще одно тому доказательство. Выдающийся грузинский режиссер сработал в жанре моноспектакля (если не считать появления на подмостках актрисы в роли без слов). Крэппа, записывающего на кассеты свои последние признания, играет Александр Калягин. Час с небольшим длится спектакль, в котором актер берет новую для себя высоту. Тем, кто любит Калягина только в роли тетушки Чарлей, не стоит тратить время, поскольку в новой работе он не намерен развлекать.

Его герой Крэпп, давно сославший себя в забвение, исповедуется, а если выразиться еще точнее, то пытается, мучительно учится тому, чтобы овладеть состоянием исповеди. В хламе, раскиданном по сцене, разбросаны коробки, и кажется, в не приведенном в порядок архиве Крэппа скопились километры магнитофонной ленты. Но, прежде чем герой приблизится к магнитофону, он долго-долго будет заново обживать свое пространство, похожее на заброшенный склад.

Вещи раздражают, удивляют и отвлекают от неосознанного желания навести порядок: то зонтик подвернется, скособоченный с одной стороны, и как только ему найдется место, так с неба упадет новый, полноценный. Где-то зазвучит музыка, возможно, брошенные часы от удара запоздало извлекли мелодию. Своим котелком герой накроет неожиданно возникший звук. Вот еще какая-то странность, похожая то ли на камень, то ли на какую-то окаменелость, подвернется под руку, и Крэпп готов ее швырнуть куда подальше, да обнаруживает, что в руках у него живая черепаха, которую он ласково и нежно усаживает на руку, поглаживая, как ручную собачонку.

Уже в роли короля Убю Калягин освоил клоунаду, пригодившуюся ему и в новой работе по Беккету. Оттенки клоунского обличья позаимствованы и от английского Чаплина, и от русского Карандаша. Однако комические трюки ему необходимы постольку-поскольку. Это существо с негероической фактурой мучительно ищет утраченные связи с миром. Когда это началось? Возможно, после смерти матери, отца. Стуруа оставляет возможность для человеческих порывов в этом существе, впрочем, лишенном нежности Чаплина.

Абсурд бытия озлобил Крэппа, и с какой бы силой искренности он ни желал обнаружить в себе способность к исповеди, не может достичь состояния благости, поскольку исповедь превращается им в лицедейство. Крэпп находит в себе силы, чтобы удивиться миру, вспомнить о любви, но то – лишь мгновения, перемежающиеся с жалобами на работу кишечника; от размышлений о теологии его отвлекает желание удалиться по нужде.

Мрачной эксцентрикой заканчивается этот спектакль. Свежий банан, подобно кляпу во рту, заткнет глотку Крэппу. Запись остановится. Гроза очистит небо, свет убьет тьму, но человек так и не узнает, зачем он жил.

Театр одного актера отметил свое десятилетие.

38